

ПАМЯТЬ

НЕ УХОДЯТ ИЗ ПАМЯТИ ГОДЫ ВОЙНЫ

Руфина Дмитриевна Кравченко – ветеран Великой Отечественной войны, ветеран труда России и Удмуртской Республики, Почетный гражданин Октябрьского района города Ижевска.

Ее общий трудовой стаж составляет 69 лет, а начиналась трудовая деятельность в 1941 году в цехе № 40 Ижевского машиностроительного завода в знаменитой «Ложевой мастерской». Имя Руфины Дмитриевны занесено в Книгу почета республиканской, городской и районной организаций ветеранов. Кроме почетных ветеранских званий, ее труд отмечен и многими государственными наградами. После войны Кравченко окончила техникум, затем получила высшее экономическое образование в Москве, возглавляла плановые отделы в Министерстве местной промышленности УАССР, Совнархозе, более двадцати лет проработала на Ижевском мотозаводе.

Она удивительный человек. Более часа я слушал рассказ Руфины Дмитриевны о пережитом времени – и ни одной негативной оценки тех людей, с которыми сводила ее судьба в жизни и на работе. Поэтому и считает она себя счастливым человеком.

Что-то есть символичное в том, что на базарчике, где девочка-подросток продавала заработанные стружки и баклушки, которые получались при изготовлении оружейной ложи и использовались для растопки, сегодня горит Вечный огонь памяти героев Великой Отечественной войны. Помещение цеха № 40 Ижевского машиностроительного завода в военные годы превратилось ныне в здание Национального музея, по-прежнему именуемое в народе Арсеналом. А здание одного из участков цеха, где были установлены шифровальные станки, обрело статус главного здания Удмуртской Республики – резиденции Главы Удмуртии. Руфина Дмитриевна рассказывает, что однажды после завершения государственного приема в честь Дня Победы задала вопрос: «А вы знаете, что в годы войны здесь станки стояли?». Многие не знали.

Лично меня удивил тот факт, что на месте нынешнего бульвара Гоголя в Ижевске размещались огромные склады с запасом так называемых ложеболованок. Весь этот запас за годы войны израсходовали, все-таки более 11 миллионов оружейных прикладов было из них изготовлено. По мере разбора и сортировки заготовок исчезали и склады. На их месте по инициативе Николая Ивановича Палладина (позднее – директор Ижевского механического завода, Герой Социалистического Труда) комсомольцы и молодежь 40-го цеха начали высаживать клены.

Разный след оставляет война. Из памяти почти никогда не стираются самые трудные годы. Об этом рассказ Руфины Дмитриевны Кравченко.

Подростками приняли на работу в ложевую мастерскую

– Мне и моим подругам в июне 1941-го было по 14–15 лет, мы только окончили седьмой класс ижевской школы № 28. Когда по радио

Несмотря на все тяжелые испытания, выпавшие на ее долю, Руфина Дмитриевна Кравченко считает себя счастливым человеком.

объявили о вероломном нападении Германии на нашу страну и началась мобилизация, мы сразу повзрослели. Я, Галя Иванова и Аня Рогожниковы решили пойти на курсы медсестер и обязательно работать на каком-нибудь заводе. Нас приняли в цех № 40, это ложевая мастерская машиностроительного завода. Несмотря на возраст, распределили по участкам. Я попала на шифровку ложи, к мастеру Феофану Петровичу Клубову, а подруг определили на другие. Мы были горды тем, что помогаем Родине. К работе приступили в ноябре 1941 года.

Для шифровального станка я была мала ростом, поэтому примерно полгода мне для удобства подставляли ящик, пока в ночную смену не зашел в мастерскую начальник цеха Николай Иванович Палладин. Он подозвал к себе старшего мастера, сделал ему замечание, что такие малолетки работают за станком в ночную смену. Через несколько дней меня перевели в учетщицы. Смысл моей работы состоял в том, что я должна была принимать тачки и отправлять обрабатываемую ложу на другие участки, вести количественный учет.

Вентиляция в цехе была плохая, если не сказать, что ее вообще не было. Мы выходили из цеха, как снегурочки, все в белой пыли. О спецодежде, конечно, не было и речи.

В цехе было пять участков, мои подружки работали кто распределили, кто на смазке ложи.

Есть нечто символичное в том, что на базарчике, где девочка-подросток продавала заработанные стружки и баклушки, которые получались при изготовлении оружейной ложи и использовались для растопки, сегодня горит Вечный огонь памяти героев Великой Отечественной войны.

Вскоре нас приняли в комсомол. Перед комсомольской организацией была поставлена задача – следить за сводками Совинформбюро, писать «Молнии», рисовать плакаты, проводить беседы с рабочими. Мы участвовали в митингах, собраниях. В городе явно ощущалось тревожное военное положение. Было голодно, в магазинах пусто, все товары исчезли.

В августе 1941 года была введена продажа хлеба по карточкам. Мы, рабочие, получали дневную норму хлеба по 800 граммов и столько же граммов месячной нормы сахара. Служащие и иждивенцы получали в два раза меньше.

Во всех цехах машиностроительного завода начали создаваться фронтовые бригады, разворачиваться социалистическое соревнование за звание фронтовых комсомольско-молодежных бригад. Две такие бригады появились и в нашем цехе.

В конце 1941 года в Ижевске в школьных зданиях были развернуты 15 госпиталей. За нашим цехом закрепили два госпиталя: № 3676 в школе № 28 и № 3671 в школе № 27.

Помимо основной работы на производстве, мы, комсомольцы и молодежь, шефствовали над этими госпиталями. По установленному дежурству, через день, после работы шли в госпиталь и оказывали помощь бойцам и персоналу.

Мы писали письма, читали письма и газеты, кормили тех, кто не мог сам, беседовали. В госпиталях ощущалась нехватка перевязочных материалов. Приходилось утюжить и сворачивать выстиранные бинты, делать уборку в палатах. Создали художественную самодеятельность, давали концерты.

Нам очень пригодились, что мы окончили курсы медсестер, организованные в городе сразу с началом войны.

Работали по 12 часов, затем собирали вещи, писали фронтовикам

– Но основным делом все-таки была наша работа в цехе, смена длилась 12 часов – с 8 утра до 8 вечера. Наш обед состоял из тарелки гороховой или овсяной каши, двух кусочков хлеба и чашки чая. Я не стеснялась, когда становилось очень голодно, пойти в столовую, помыть 400 грязных тарелок и получить за это дополнительную тарелку каши. Это разрешалось тем, кто сильно голодал и у кого не было поддержки из дома.

В 1942–1943 годах приходилось заниматься сбором теплых вещей, носков, варежек, шарфов, белья. А еще мы шили кисеты, все это сдавали в пункты города для отправки на фронт. Из печати нам было известно, что сбором теплых вещей для бой-

цов Красной армии занимались на всех предприятиях и в школах. Все собранное целыми вагонами отправляли на фронт.

Трудно сосчитать, сколько писем-треугольников я и мои подруги написали фронтовикам – лучшему танкисту, разведчику, пулеметчику, артиллеристу, летчику. И ведь письма доходили до фронтовиков, завязывалась переписка.

В цехе и на участках становилось все напряженнее, требовалось все больше винтовок фронту, а значит, и все больше ложи. На производство шла мобилизация пожилых жителей города, молодежь из села. Молодые люди, приступив к работе в цехе, не выдерживали голодного режима жизни и сбежали. Нам, комсомольцам, поручали их разыскивать по адресам и приводить в цех.

Нелегкое это дело – бегать по улицам в зимнюю стужу, разыскивая мальчишек и девчонок, укрывающихся от работы, убеждать их вернуться и объяснить, что в противном случае их ждет трибунал. И получалось, возвращались, аливались в коллектив и работали до конца войны.

Не уходит из памяти то, как помогали в выгрузке раненых бойцов из прибывшего на вокзал эшелона с фронта. Страдающих, измученных, нам подавали их на носилках из вагона, и мы по 4–5 человек несли их к машине и развозили по госпиталям.

С огромной благодарностью мы и сегодня вспоминаем начальника нашего цеха Николая Ивановича Палладина. Вспоминаем, как он оберегал, растил нас, малолеток, как гордился нами и тем, что мы выполняли все задания военного времени. Когда видел, как трудно нам – голодным, больным, давал отпуск на 10 дней в Доме отдыха машиностроителей, поддерживал все наши комсомольские дела.

В цехе практиковалось награждать победителей соцсоревнования талонами на обувь с парусиновым верхом и деревянными подошвами, отрез на халат, ситец, а главное – талонами на отходы от баклушек для ложи. Как правило, заслужив такой талон, я брала бельевую корзину, набивала отходами и выходила из цеха на базарчик. На этом месте сейчас монумент с Вечным огнем. Продавала отходы, покупала буханку хлеба, давала не больше одной. Пока шла до дома, сгрызала все корочки. Мякиш оставался на ужин. И как здорово было съесть его с чаем из сушеной моркови!

Подруги ушли на фронт добровольцами

– В 1943 году я проводила на фронт свою близкую подругу Клаву Зорину. Она работала в цехе нормировщицей, окончила курсы медсестер и пошла на фронт добровольцем. На фронте была связисткой. Ушла воевать с фашистами и вторая моя подруга – Соня Усова.

Они были старше меня на два года, поэтому их призвали в армию, а меня не взяли по возрасту, хотя и я вместе с ними окончила курсы медсестер.

Соня попала в медсанчасть, где служила врачом ее сестра Галина Таланова, и до конца войны они работали в прифронтовом госпитале.

В 1945 году Галина Таланова родила дочку, ее назвали Надежда Константиновна Рокоссовская. Знаменитый маршал был ее отцом. Так сложились судьбы двух близких мне женщин. В послевоенные годы встречалась с ними в Москве. К сожалению, их уже нет с нами, но живет в Москве Надежда.

Подготовил
Герасим ИВАНЦОВ